

Съ развѣдчиками 30-го полка по Урянхайскому краю и Монголіи.

(Дневникъ начальника команды развѣдчиковъ 30-го Сиб. стрѣлк. полка).
(Продолженіе 1).

До сихъ поръ въ нѣсняхъ и преданіяхъ абаганскихъ инородцевъ, теперь уже осѣдлыхъ и принявшихъ русскую культуру, живетъ еще память о славномъ прошломъ. слышны еще отголоски былыхъ набѣговъ, бранной славы и звона мечей. Столько захватывающей поэзіи въ воспоминаніяхъ о далекомъ прошломъ, въ величественныхъ картинахъ величавой природы—въ бѣгѣ коней по привольной степи, въ рокотѣ волнъ безпредѣльнаго Енисея, въ загадочномъ молчаніи кургановъ надъ могилами невѣдомыхъ богатырей, что только чуткая душа поэта способна отразить и передать читателю воспринимаемыя впечатлѣнія.

Я позволю себѣ привести отрывки изъ затерянной поэмы, вѣроятно, никому неизвѣстнаго поэта Кузьмина, о которомъ рѣшительно нигдѣ нельзя найти какихъ-либо библиографическихъ указаній. Утеряна рукопись, списанная еще въ 1819 году какимъ-то любителемъ Тулунинымъ въ Петербургѣ и стпечатанная въ старыхъ журналахъ 30-хъ годовъ.

Но поэтическое дарованіе этого загадочнаго современника Пушкина такое яркое, звучные стихи его проникнуты такимъ элегическимъ чувствомъ, что, я думаю, читатель не посѣтусть на меня за перепечатку случайно сохранившихся отрывковъ этой старинной поэмы.

1) См. «Военный Сборникъ» № 8.

Рис. № 4.

Өедосова яма на Енисеѣ ниже устья Казыръ-Сука.

Пѣснь объ Енисеѣ и Абаканѣ.

Я видѣлъ бурный Енисей,
Гдѣ сей бѣглець, оставя страны
Родной Монголіи своей,
Раздвинулъ мощныя Саяны.

Тамъ рветъ онъ камни и древа,
Бурлитъ—и вдругъ на рукава
Дѣлясь, покойнѣе стремится.

Я видѣлъ древни письма
На дикихъ скалахъ Енисея.
Таинственная старина,
Потомковъ позднихъ не жалѣя,
Проводитъ хитрыя черты.

И ты не можешь быть намъ вѣст-
никъ,

И ты самъ Енисей рѣка,
Давно минувшему ровесникъ,
Чья неизвѣстная рука
Чертила тамъ свои загадки,
Отъ старины сѣдой остатки.

Я видѣлъ свѣтлый Абаканъ,
Съ его лазурными волнами.
Какая изъ сибирскихъ рѣкъ
Обильна столько красотами?

Въ тѣни акаціи молодыхъ,
Въ прохладѣ тополей вѣтвистыхъ
Струится онъ въ лучахъ души-
стыхъ,

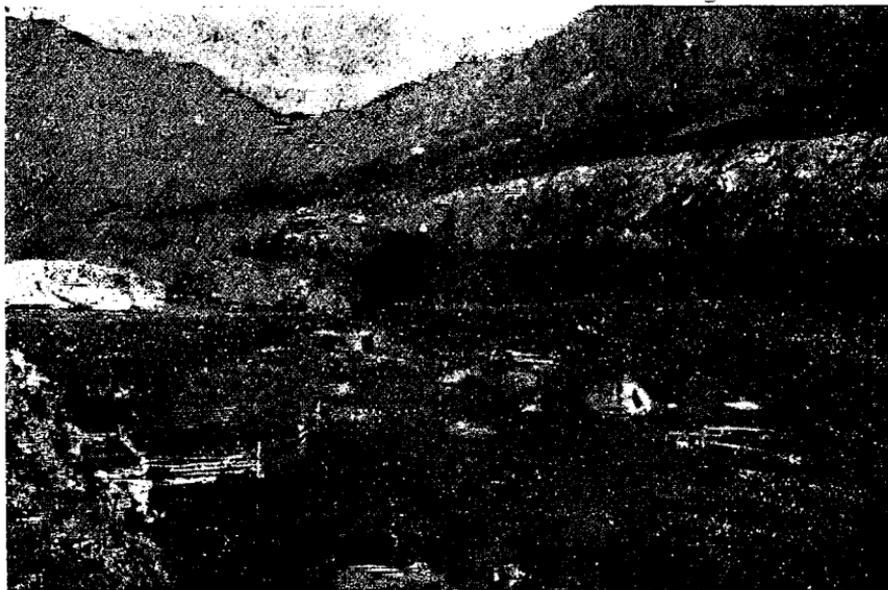
Среди присовъ голубыхъ.
Тамъ простодушные татары,
Природы дикіе сыны,
Любуются, когда отъ жара
Ихъ удалые табуны

Несутся рѣзвыми толпами,
Чтобъ освѣжить себя волнами:
Трясется степь подъ ихъ ногами
И вотъ примчались и въ рѣку
Табуны бросаюся съ размаху.

Я видѣлъ юрты дикарей,
 Разбросанныя по долинамъ;
 Какъ сопки посреди степей
 Онѣ курятся вѣчнымъ дымомъ.
 Вблизи отъ нихъ журчитъ вода.
 Дворы татаръ, большое поле,
 На коихъ тучныя стада
 Пасутся сами въ сладкой волѣ.
 Вошедши въ юрту—новый видъ.
 Какая странная картина!
 Когда сличать людей сихъ быть
 Съ занятными поселянина.
 Старикъ тамъ куритъ свой айранъ
 И теплый пьетъ отъ нетерпѣнья.
 Въ глазахъ его горитъ веселье;
 Лицо краснѣетъ безъ румянъ.
 И вотъ онъ подчуетъ старушку;
 Жена присѣла къ огоньку.
 Въ углу ихъ сынъ, молодой и
 смѣлый
 Готовится идти въ тайгу;
 Острие убійственныхъ стрѣлы,
 И гнетъ упругій дугъ въ дугу.

Въ другомъ углу сидитъ въ без-
 дѣльѣ
 Ихъ дочь—прелестная Ульчи
 Въ сорочкѣ алой изъ канчи.
 На шеѣ блестятъ ожерелье.
 Она застѣнчива, она
 Не такъ бѣла, не такъ нѣжна,
 Но сердце дѣлаетъ подвластнымъ...
 Нельзя быть болѣе безстрастнымъ,
 Хоть разъ взглянувши ей въ
 глаза.
 Ряды мельчайшихъ черныхъ косъ
 Скрываютъ нѣжныя ланиты.
 Гдѣ отыскать такихъ волосъ,
 Чтобъ были черны, глянцевиты?
 Какъ волосъ мягкій и большой
 У сибирячки кочевой.
 Скажи мнѣ дѣва—я ревнивецъ—
 Скажи—кому владѣть тобой?
 Гдѣ тотъ завидный мнѣ счастли-
 вецъ,
 Для коего твои власы
 Переплетутся въ двѣ косы?

Рис. № 5.

Стойбище урянховъ (Да-Хошуна) на Енисей. Урочище Шагонаръ.

Я видѣлъ множество могилъ -
 Конца имъ взоръ не находилъ.
 Сид старинные курганы,
 Разбѣянные по полямъ...
 Надъ ними камни—на углахъ -
 Стоять, какъ воинъ на часахъ.
 Невольно клонить пылкой умъ
 Къ припятыю самыхъ мрачныхъ
 думъ.

Идешь въ безмолвіи одинъ,
 Среди безвѣстнаго кладбища.
 Для грусти тамъ живая пища
 Къ мечтамъ былого тѣма причинъ.

Рис. № 6.

Пограничный знакъ на хребтѣ Танцу-
 Ода сѣвернѣ озера Убса - Норъ.

Я видѣлъ, какъ на джангитахъ
 Проворно бѣгала рука
 Съдого старца Башлыка,
 Когда на струнахъ онъ игралъ,
 Склоняя взоръ къ холмамъ мо-
 гильнымъ
 И гласомъ дикимъ, заунывнымъ,
 Съдую древность воспѣвалъ.

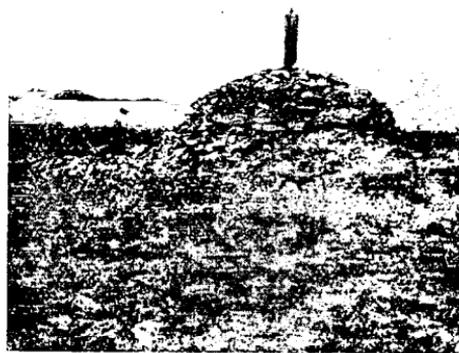
Пѣсня Башлыка о чудскихъ могилахъ.

Пою, какъ древніе народы
 Живые въ землю погребались.
 Не переживъ своей свободы:
 За что и чудью прозывались.
 Они на нашемъ мѣстѣ жили,
 Гдѣ льется свѣтлый Абаканъ.
 Стада огромная водили,
 И крѣпкій дѣлали айранъ.
 Какъ ясный день—всегда счастливы,
 Согласны, какъ теченье волнъ,

Кругомъ высокая трава
 Отъ солнца блекнетъ и желтѣетъ.
 Все пусто. Степь. Вдали едва
 Примѣтить можно, какъ рябѣетъ
 Озеро соленыхъ снѣговъ.
 А тамъ вдали на небосклонѣ
 Нашъ останавливаетъ взоръ
 Хребетъ Саянскихъ дикихъ горъ
 Среди дѣта въ сѣбговой коронѣ.

Рис. № 7.

Пограничный знакъ на хребтѣ
 Танцу-Ода сѣвернѣ Уланъ-Кома.

Какъ вѣтеръ веселы, игривы,
 Покойны, какъ въ заливіи медлѣть.
 Но время скользко—въ крѣпкомъ
 мужѣ
 Слабѣютъ силы день отъ дня.
 Уступить лѣто мрачной стужѣ—
 Согнѣется шея у коня.
 Три года звѣри не ловилъ!
 Три года не росла трава!
 И вдругъ среди степи появи-
 лись
 Съ корою бѣлою древа.
 Собрались вѣщѣ шаманы,
 Чтобъ тайну древъ тѣхъ разга-
 дать,
 Гремятъ ихъ бубны и тимпаны
 И старшій началъ прорицать:
 О горе! горе отъ березы.
 Народъ! я въ будущее зрю—
 Оно предсказываетъ слезы:
 Подданство Бѣлому царю!

Уже въ крови Иртышъ несчастный,
Тамъ грознаго царя полки
И царскій вождь колдунъ ужасный—
Бросаеть громы изъ руки!

Онъ бьетъ людей огнемъ и гро-
момъ,

Удары вторять эхо горъ.

А самъ стоить онъ невредимо

Подъ стрѣльнымъ градомъ намъ
въ позоръ.

Друзья, послушайте шамана!

Бѣды на нашъ грозятся край!

Мы не задобрили Шайтана,

На насъ прогнѣвался Кудай.

Друзья, разстанься съ жизнью
больно,

Но намъ не сладость съ колду-
номъ

И чѣмъ окончить жизнь невольно
Мы лучше волею умремъ.

Друзья, намъ должно по геройски

Живымъ себѣ могилу рыть;

И надъ могилами подмости

Съ землей и камнемъ учредить.

Намъ должно каждому съ семейо

Въ могилу лечь и дружно въ разъ

Обрушить подмостъ надъ собой

И мать-земля сокроеть насъ.

Умолкъ шаманъ. Единогласно

Всѣ приняли его совѣтъ—

Свершилось зрѣлище ужасно!

И лишь могилы—Чуди слѣдъ.

Въ звучныхъ, хотя и устарѣвшихъ по формѣ, стихахъ Кузьмина мы встрѣчаемся съ легендой, не угасшей еще и въ наши дни: появленіе бѣлоствольной березы на склонахъ горъ, среди темной зелени кедра и тополя, предвѣщаетъ приходъ грозныхъ войскъ Акъ-хана, Цаганъ-хана. Повѣрье это существуетъ не только у воспѣтыхъ Кузьминымъ абаканскихъ татаръ, но и у бурятъ и алтайскихъ инородцевъ, а въ послѣднее время вспыхнуло съ новой силой у соютовъ въ Урянхайскомъ краѣ.

Глава V.

Очеркъ сношеній сибирскихъ воеводъ съ захребетными алтынъ-ханами, изложенный ранѣе, слѣдуетъ дополнить еще указаніемъ на то, что со стороны этихъ монгольскихъ князей были попытки къ расширенію своей территоріи и искорененію южно-енисейскихъ инородцевъ.

Такъ, на примѣръ, въ 1652 году Мергень-Тайша во главѣ семи сотъ вооруженныхъ всадниковъ перевалилъ Саянскій хребетъ и расположился станомъ на Енисеѣ, повыше устья Сыды.

Красноярскій воевода, увѣдомленный гонцомъ о приходѣ чужеземнаго войска, отправилъ къ Тайшѣ боярскаго сына Коловскаго, чтобы узнать причину появленія вооруженнаго отряда на землѣ, считавшейся въ русскомъ владѣніи.

Но еще въ пути Коловскій узналъ, что вслѣдъ за авангардомъ Мергень-Тайши появился самъ Алтынъ-ханъ, Омбо-Эрдени, съ четырехтысячнымъ войскомъ.

Нашествіе орды грозило неисчислимыми бѣдствіями; судьба енисейскаго воеводства висѣла на волоскѣ. И въ этотъ критическій моментъ Коловскій проявилъ безспорный дипломатическій талантъ. Онъ напомнилъ Алтынъ-хану о «шертной записи» 1633 г., когда Алтынъ-ханъ, со всѣмъ родомъ и племенемъ, со всей ордой, поклялся въ вѣрноподданствѣ Царю Михаилу Ѳеодоровичу, въ платежѣ ежегодной дани, въ пребываніи орды на прежнихъ кочевьяхъ, не приближаясь къ Сибири, о несоединеніи съ непослушными Руси калмыцкими тайшами.

«Во всемъ этомъ шертъ дали и боговъ вашихъ на руки подымали».

«А если нѣтъ правды въ вашихъ словахъ и въ вашей шертной записи, то грозить вамъ наказаніе великое: уже Царь приказалъ собрать войско съ четырехъ городовъ и оно силой заставитьъ васъ покинуть русскія владѣнія».

Повѣрилъ Алтынъ-ханъ грознымъ рѣчамъ боярскаго сына Коловскаго, призадумался и двинулся обратно за Саяны.

Но послѣ смерти престарѣлаго Омбо-Эрдени вступилъ на престоль его сынъ, Лубсанъ (Эринчинъ—по халхасскимъ лѣтописямъ), и въ русскихъ предѣлахъ вновь появились полчища монголовъ. Часть южно-енисейскихъ инородцевъ, не желавшая принять подданство Эринчина, была перебита; нѣкоторые улусы присоединились къ монголамъ, дали заложниковъ, стали платить дань. Кизымскіе роды, темутцы и тубинцы, занесенные въ ясачныхъ книгахъ Томскаго воеводства, оказались такимъ образомъ данниками Алтынъ-ханскаго царства.

Къ этому времени относится посольство Гречанина. Ему было поручено Томскимъ воеводой выяснить создавшееся положеніе и образумить зазнавашагося монгольскаго князя. На Уйботѣ Гречанинъ сошелся съ чиновниками Лубсана, собирающими дань съ инородцевъ, и вмѣстѣ съ ними въ февралѣ 1660 года отправился въ путь въ ставку хана, къ озеру Убса-Норь.

Поѣхали они горной тропой по рр. Абакану, Чебашу и Чехалу, перевалили въ рѣчку Ану, съ Аны перевалили въ притоки Кемчика—Акь-Сукъ, затѣмъ по р. Чезану достигли вершины Ташу-Ола и спустились въ равнины нынѣшняго Уланкома, гдѣ ночевалъ Лубсанъ-ханъ.

Путь, пройденный посольствомъ Гречанина, извѣстенъ и въ настоящее время подъ названіемъ Арботской дороги.

Принятый Лубсанъ-ханомъ въ торжественной аудіенціи, Гре-

чанинъ отъ имени Томскаго воеводы, князя Бутурлина, упрекнулъ его въ вѣроломствѣ и напомнилъ ему о клятвѣ, данной его покойнымъ отцомъ.

На все это Лубсанъ обѣщаль дать полный отвѣтъ спустя нѣкоторое время, заявивъ, что ему нужно поговорить и посоветоваться съ старѣйшинами и ламами.

Дни проходили за днями. Съ озера Убса-Норъ Лубсанъ перекочеваль на рѣку Тесъ, оттуда на Самгантай и только черезъ нѣсколько недѣль Гречанинъ былъ вызванъ въ юрту Лубсана. Отвѣтъ былъ данъ слѣдующій: Лубсанъ не считаетъ для себя обязательной присягу, данную его отцомъ русскому Царю, такъ какъ онъ въ то время былъ малолѣтенъ и своего согласія не давалъ. На русскіе города и остроги онъ не нападалъ, русскихъ людей не обижалъ, но тубинскіе улусы постоянно бунтуютъ, не признаютъ владычества ни русскихъ, ни монголовъ, потому онъ и ходилъ на нихъ войной. На подданство русское онъ теперь и въ будущемъ не согласенъ, хотя и желаетъ быть въ дружбѣ и согласіи съ великимъ Московскимъ Царемъ, въ доказательство чего онъ съ честью принялъ Гречанина и самъ весной отправить своихъ посланниковъ съ богатыми дарами въ Москву.

Такимъ образомъ посольство Гречанина не дало положительныхъ результатовъ.

Двуличная политика Лубсанъ-хана привела къ окончательному паденію династіи Алтынъ-хановъ. Неудачныя войны съ калмыками и болѣе сильными сосѣдями монголами Цзасакуту-хана заставили его бѣжать съ Кемчика и искать покровительства у русскихъ. Свершилась судьба Алтынъ-хановской династіи и вмѣстѣ съ гибелью ея завершился и кратковременный періодъ призрачнаго протектората Москвы надъ кочевыми племенами сѣверо-западной Монголіи.

На Кемчикѣ и по верховьямъ Енисея появились орды другихъ кочевниковъ, воинственныхъ калмыковъ или ойратовъ.

Спустившись съ предгорій Алтайскихъ горъ, они завоевали Илійскій край, Тарбагатай, раззорили владѣнія Лубсана и, подъ предводительствомъ Галданъ-хана, двинулись дальше, на Ургу. Но халхасскіе монголы обратились за помощью къ Китаю, гдѣ въ то время царствовали одинъ изъ самыхъ даровитыхъ и энергичныхъ представителей манчжурскихъ династій, императоръ Кань-си, современникъ Петра Великаго.

Кань-Си умѣло использовалъ создавшееся положеніе вещей и

задался цѣлью покончить однимъ ударомъ съ беспокойными сосѣдями. Громадная китайско-манчжурская армія съ артилеріей, съ обозомъ и верблюжьими караванами, была двинута двумя колоннами—изъ Калгана на Каракорумъ и Улясутай, а другая черезъ Гобійскія степи на Хами и Урумчи. Приглавной арміи находился самъ императоръ. Произошелъ рядъ ожесточенныхъ кровопролитныхъ сраженій. Артилеріей китайцевъ управляли іезуиты. Ядра и фузейный огонь произвели страшныя опустошенія въ рядахъ ойратовъ. Бѣшеный натискъ ихъ разбился о стойкость знаменныхъ манчжурскихъ войскъ. Галданъ-ханъ потерѣлъ пораженіе на Селенгѣ, бѣжалъ въ Джунгарію и оттуда обратился къ русскимъ, прося у нихъ помощи противъ Китая. Но помощь эта, за малочисленностью войскъ въ Сибири, ему была только обѣцана и побѣдоносное шествіе войскъ Кань-си, никѣмъ не задержанное, завершилось въ самой Кульдѣжѣ почти поголовнымъ истребленіемъ ойратовъ.

Погибъ Галданъ-ханъ, палъ славной смертію и внукъ его Амуръ-Сана, память о которомъ сохранилась до настоящаго времени въ пѣсняхъ и легендахъ сойотъ, дюрбетовъ и ойратовъ.

Этотъ періодъ могущества китайскаго оружія ознаменовался еще другимъ, печальной памяти, событіемъ—взятіемъ и разрушеніемъ нашей крѣпости Албазина и заключеніемъ невыгоднаго для насъ Перчинскаго договора 1689 года, съ установленіемъ пограничной линіи по рѣкѣ Аргуни. Весь Амурскій край, до Станового хребта, уже занятый было казачьими форпостами, отошелъ къ Китаю и былъ возвращенъ Россіи только спустя 160 лѣтъ.

Центральный же участокъ государственной границы, протяженіемъ въ 2.500 верстъ, и послѣ разрушенія Алтынъ-хановскихъ владѣній остался невыясненнымъ, такъ какъ манчжурскіе гарнизоны содержались лишь во вновь покоренныхъ областяхъ Джунгаріи, Кульдѣжѣ, въ Кобдо и Улясутаѣ и только въ 1728 году въ Кяхтѣ былъ рѣшенъ вопросъ о точномъ размежеваніи незанятыхъ китайцами областей въ бассейнѣ верхняго Енисея.

Въ одной изъ слѣдующихъ главъ я вернусь къ исторіи Кяхтинскаго договора и изложу дѣятельность графа Рагузинскаго. А дальнѣйшій ходъ нашихъ сношеній съ Китаемъ привелъ къ необывалому въ исторіи результату—потерѣ цѣлой страны, Урянхайскаго края, *принадлежавшаго намъ съ 1634 года.*

Царствованіе богдохана Кань-си составляетъ одну изъ самыхъ славныхъ страницъ китайской исторіи. Намъ въ особенности слѣ-

дуетъ обратить вниманіе на эпоху, когда громадныя китайскія арміи, предводимыя талантливыми вождями, выполняли такія операціи, осуществленіе которыхъ въ настоящее время считается почти безуміемъ. Безъ дорогъ, безъ воды, по сыпучимъ пескамъ Гобійскихъ пустынь шли войска Кань-си, находили и настигали противника, наносили ему пораженіе за пораженіемъ и укрѣпили владычество Китая на всемъ протяженіи Азіатскаго плоскогорія, отъ Великой стѣны до ледниковъ Памира.

Убаюканные вѣрой въ инертность и неподвижность китайцевъ, мы охотно забываемъ уроки исторіи и мысль о возможности появленія новаго Кань-си готовы считать бредомъ разгоряченной фантазіи.

Теперь между нами и Китаемъ появилось новое «буферное» государство, автономная Монголія, Урянхайскій край приобщенъ къ Россіи попеченіями переселенческаго управленія, въ самомъ Китаѣ неурядицы, Юаншикай занять травлей «бѣлыхъ волковъ»...

Но кто поручится, что такое положеніе вещей протянется до безконечности?

Въ XVII столѣтіи, наканунѣ захвата власти манчжурской, Цинской, династіей, Китаю пришлось пережить цѣлый рядъ кровавыхъ междоусобій и государственныхъ переворотовъ. Но когда съ созданіемъ сильной центральной власти улеглись страсти и прекратились раздоры, проснулось народное самосознаніе, проснулась стихійная мощь государства, воспитаннаго тысячелѣтними традиціями и спаяннаго своеобразной глубокой культурой.

И этотъ избытокъ жизненной силы, умѣло использованный талантливыми вождями, пошелъ по руслу агрессивной политики, разлился широкимъ потокомъ за предѣлами застѣннаго Китая. Монголія, Тибетъ, Джунгарія, восточный Туркестанъ—все эти страны, за исключеніемъ Халхи, подпали подъ власть Небесной Имперіи не путемъ дипломатическихъ переговоровъ, трактатовъ и конвенцій, а были завоеваны, покорены мечемъ и пламенемъ.

Съ тѣхъ поръ прошло слишкомъ двѣсти лѣтъ. За это время расшаталась государственная мощь Китая, отдѣлился Тибетъ, отдѣлилась Монголія, совершился захватъ Манчжуріи. Гибель династій, попытки коренныхъ реформъ, ожесточенныя революціи, диктатура—все это всколыхнуло изъ конца въ конецъ величайшую въ мірѣ страну.

Въ настоящее время Китайъ переживаетъ кризисъ, послѣдствія котораго пока нѣтъ никакой возможности уцѣль. вмѣсто прежняго

спокойствія кладбища разгорались страсти, проснулся народъ и сохраненіе прежняго порядка, прежняго режима, немислимо.

Національное чувство получило могучій толчекъ, достигло невѣроятнаго напряженія; всѣ процессы, на какіе распадается движеніе къ національному возрожденію, пріобрѣли ту могущественную физическую интенсивность, какую обнаруживаетъ природа, обновляющаяся весной.

Вопросъ о томъ, удержится ли Юаншикай, укрѣпится ли республиканскій образъ правленія, имѣть лишь второстепенное значеніе. Важно лишь то, что скоро начнутъ сказываться экономическіе результаты пробужденія Китая, разовьются его промышленность, торговля, его финансы относительно будутъ не ниже, чѣмъ финансы другихъ странъ, а абсолютно выразятся въ невѣроятныхъ цифрахъ. Тогда очевидно преобразятся и вооруженныя силы Китая и будутъ доведены до нормальнаго къ численности населенія отношенія.

А это значить, что Китайъ будетъ въ военное время располагать войскомъ въ 80—90 милліоновъ.

Противъ кого пойдутъ эти несмѣтныя полчища, вооруженныя по послѣднему слову военно-техническихъ усовершенствованій? Развѣ вѣроятно, чтобы Китайъ, современный патріотическій Китайъ, въ которомъ жизнь бьетъ ключемъ, помирился съ мыслью о потерѣ Монголіи, о захватѣ Манчжуріи? Какія основанія думать, что Китайъ легче перенесетъ захватъ его собственныхъ территорій, чѣмъ Японія перенесла захватъ русскими только что завоеваннаго ею Портъ-Артура?

Рано или поздно, но великія судьбы заставятъ насъ принять вызовъ золото-чешуйчатаго дракона. И къ этому времени мы должны быть во всеоружіи.

Не покладая рукъ, мы должны работать надъ изученіемъ границы, операціонныхъ путей, вѣроятныхъ театровъ военныхъ дѣйствій, надъ подготовкой своихъ коммуникаціонныхъ линій.

Въ элементахъ населенія пограничныхъ областей Китая, среди сартовъ, таранчей, дунгановъ—на западѣ, среди халхасцевъ и баргутовъ—на востокѣ, нужно искать и подготовить друзей Россіи. Нужно поддерживать вѣковую глубокую ненависть, которую питаютъ эти народы, какъ дунгане магометане, такъ и монголы, къ своимъ вѣковымъ поработителямъ, «хитатамъ», путемъ пропаганды величія и мощи Россіи и живого дружескаго общенія. Нужны частыя и систематичныя командировки строевыхъ офицеровъ, знаю-

шихъ мѣстныхъ условій, мѣстныхъ нарѣчій, въ пограничныя области. Пора также отрѣшиться отъ принятой у насъ системы назначенія гастролеровъ и петербургскихъ рахитиковъ на отвѣтственные должности политическихъ и консульскихъ агентовъ.

А въ предвидѣннн вооруженнаго столкновенія съ китайской арміей, мы должны считаться съ тѣмъ, что передъ нами будетъ врагъ не только дерзкій и коварный, но и отважный, выносливый, фанатически настроенный.

Слѣдуетъ помнить, что нынѣшній китайскій солдатъ прошелъ не только школу рабскаго подражанія иностраннымъ уставамъ, мирныхъ маневровъ и гарнизонной службы, но что онъ перенесъ боевое испытаніе въ горнилѣ непрестанныхъ кровавыхъ революцій, междоусобій и возстаній, что онъ привыкъ смѣло глядѣть въ лицо смерти, пренебрегать опасностью, не сдаваться въ плѣнъ и не просить пощады.

Мы, убаюканные поверхностными, скороспѣлыми выводами нашихъ агентовъ, присутствовавшихъ на маневрахъ, все еще убѣждены, что «ходя» является лишь декоративнымъ солдатикомъ, вѣрили корреспондентамъ, что цѣлые полки инсургентовъ сдавались безъ боя за приличную сумму долларовъ; охотно полагаемся на авторитетъ ученыхъ лингвистовъ, утверждающихъ, что китайцы не любятъ военщины, что у нихъ существуютъ такія пословицы: «Плохое желѣзо идетъ только на гвозди—плохой человекъ годится только въ солдаты»; «даже никуда негодный человекъ можетъ продавать на улицахъ пирожки; кто же своей охотой пойдетъ въ солдаты?»

Пора забыть эти басни. Труды вдумчивыхъ изслѣдователей говорятъ намъ о великой духовной и физической мощи, которая скрыта въ нѣдрахъ народной массы и несомнѣнно будетъ проявлена и арміей новой фармаціи.

Китайскій солдатъ представляетъ собой великолѣпный боевой матеріалъ. Прошли тѣ времена, когда званіе солдата считалось позорнымъ. Потрясенія послѣднихъ десятилѣтій всколыхнули сверху до низу весь Китай; проснулись воинственные инстинкты, любовь къ родинѣ, готовность къ самоотверженію—наслѣдіе древнихъ героическихъ временъ Китая.

Теперь въ хрестоматіяхъ народныхъ школъ печатаются патріотическія статьи, и дѣти распѣвають подъ управленіемъ учителей такія пѣсни:

Помолимся за нашу страну,
 Чтобы она стала крѣпкой, какъ металлъ,
 Чтобы она превашила Европу и Америку,
 И стала бы храбрѣе Японіи.
 О боги, займитесь нашей страной,
 Чтобы заснувшій левъ наконецъ проснулся
 И бросился съ ревомъ впередъ, въ кровавую битву,
 И сокрушилъ бы врага, варваровъ русскихъ.

Быстро катились наши таратайки по ровной дорогѣ. Крупной рясью, неистово позванивая бубенцами, шелькоренникъ; пристяжные рвались, какъ бѣшенныя, взметая снѣжную пыль. Надъ застывшей рѣчкой, надъ темной лентой тополевыхъ рощъ стояла пелена морознаго тумана. Въ мутномъ небѣ краснѣлъ кровавый дискъ солнца. Пронизывающій мертвящій холодъ мучительно кололъ и рѣзалъ лицо и тѣло, несмотря на пушистую яманью доху.

«Скоро ли приѣдемъ? Мочи нѣтъ!»

«Скоро! Вотъ уже къ Кюрэ подъѣзжаемъ!» сказалъ Василій Ивановичъ, указывая кнутомъ куда то впередъ. «Да вотъ, однако, и посланные отъ нойона идутъ!»

Протирая заиндѣвѣвшія рѣсницы, я старался всмотрѣться въ туманную даль. Изъ за поворота темной полосы лиственницъ, тамъ, гдѣ виднѣлись узорныя, причудливо изогнутыя крыши буддѣйской молельни, показалась группа всадниковъ,

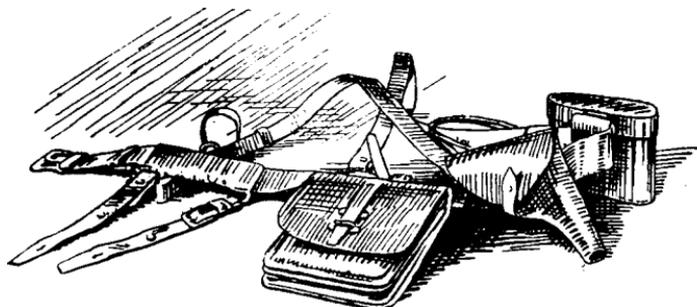
Быстрымъ ходомъ они понеслись къ намъ навстрѣчу. Бяковъ остановилъ таратайку и урянхи, какъ по командѣ, вылетѣли изъ сѣделъ и распростерлись прямо на снѣгу.

«Джа менде!» крикнулъ я имъ; «дальше гоните, некогда съ ними разговаривать!»

Бяковъ ударилъ по лошадамямъ. Сойоты сѣли на коней и поскакали рядомъ. Это были тѣ же чиновники, что утромъ явились съ поклономъ, но въ сопровожденіи уже болѣе многочисленной свиты.

Б. Августусъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Вс.